

Фермер Василий Мельниченко о селе, Путине, Болотной и креативном классе

<http://www.mn.ru/society/20130405/342892640.html> - источник

Василий Мельниченко, председатель успешного фермерского хозяйства, выступил на Московском экономическом форуме и в одночасье стал знаменитым. Его фраза «В России уровень бреда превысил уровень жизни» превратилась в афоризм.



Смелые высказывания [бизнесмена из села Галкинское Свердловской области](#) о коррупции и бестолковом управлении страной вызвали поддержку у тысяч пользователей рунета. В интервью «МН» Мельниченко рассказал о том, почему русский мужик не вышел на Болотную, чего боится Путин и как обустроить Россию за четыре года.

— **Расскажите про село Галкинское. Чем вы там занимаетесь?**

— У нас очень хорошие земли. В свое время там был крупный совхоз. Так получилось, что в 90-е его разрушили и разграбили до нуля. Скотины ни одной головы не осталось, техники нет, здания разрушены. А в 2009 году сельчане на собрании посоветовались и решили пригласить меня, чтобы я возглавил это хозяйство. Сейчас мы одни из крупнейших производителей сельхозпродукции в регионе. Мы пытаемся создать такое хозяйство, которое могло бы наполнить местный муниципальный бюджет и обеспечивало людям на селе рабочие места с достойной зарплатой.

— **А до этого чем занимались?**

— До этого у меня был первый колхоз.

— Кто у вас работал? Местные?

— Не только. В те годы бежали переселенцы из Казахстана, Узбекистана, Туркмении, мы приняли много семей. Мы даже назывались переселенческим поселком. Таких у нас было 25 семей. В поселке было все: хорошие дороги, пекарня, мельница, кондитерский цех, молочная ферма, свиноферма. Мы делали мебель, делали натяжные потолки. Я абсолютный сторонник того, что крестьяне не мешки с соломой, а граждане, которые имеют право выбирать профессию. Как человек может остаться в деревне, если он хочет быть строителем? А мы строили свою экономику так, чтобы был выбор профессий, и никто не хотел уезжать. Зарплата приличная, место отличное, выбор работы есть, интернет — пожалуйста. У нас в те годы работал класс дистанционного образования в школе. Несколько человек получали образование в московских вузах, не выезжая из деревни. Мы показывали тогда государству и Минобразования, как дешево можно учить людей, не срывая их с места и не делая проблем в городах. После четырех лет работы деревня стала идеальной. Четыре года — это срок, за который можно перестроить и страну.

— И все это было организовано без какой-либо государственной поддержки?

— Абсолютно. Хотя государство, конечно, не забывало про нас. Например, оно периодически нас штрафовало. То приедет технадзор, то Роспотребнадзор, и все говорят, что мы неправильно живем и работаем. Забыть о себе государство не давало. Так же как телевизор не дает забыть о том, что у нас есть президент и премьер-министр.

{youtube}0dzc4ainSOg{/youtube}

— И что в итоге стало с вашим первым колхозом?

— В 1998 году его сожгли.

— Конкуренты?

— Да какие конкуренты! Обычные бандиты, которые работали вместе с администрацией и с милицией. Я единственный в районе не платил дань казакам. Такие нормальные русские мужики, ходили в голубых штанах с лампасами и всех облагали данью. Крыша, как они говорили. Так как у нас в совхозе все крыши были отремонтированы, нам не требовалась крыша, и мы, конечно, отказывались платить. По своему принципу я бы никогда не согласился платить никому, кроме государства. Достаточно было того, что я всегда исправно платил налоги. Я понимал, что не может такого быть, чтобы с крестьян, которые производят продукцию, какие-то ублюдки собирали дань. Но многие платили.

Мы были очень богатым хозяйством на тот момент. У нас были молодежные программы, давали дома молодым семьям. Заключали с сотрудниками договор, что после рождения третьего ребенка дом переходит в их собственность.

— Чем все закончилось?

— В итоге мне удалось через суд добиться ликвидации казачьей дружины как незаконного военного формирования. Бился за это два года. Никакую военизированную форму эти бандиты не имеют права носить.

— Наверное, истерия вокруг казаков в последнее время вам не очень нравится.

— Ну власти же нужно кого-то любить. Людей ведь больше всего, как известно, любят людоеды. Мне, конечно, не нравятся все эти прыганья. Кажется, что президента просто подставляют его пиарщики. Вот взять, например, это собрание Кургиняна. Я не против общественных движений, просто считаю, что в них должен быть здравый смысл, а каждый шаг президента должен быть выверен.

— Вы думаете, президента подставляют?

— Вот смотрите: неожиданно меняется министр обороны, и у села забирают весь госзаказ. Говорят, Сердюков что-то воровал. Так это или нет, мы не знаем, но мы хотя бы картошку поставляли военным. А теперь Шойгу пришел, и весь заказ на 100 млрд руб. передали какому-то московскому ресторатору. Получается, что 300 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств просто должны закрываться из-за одного глупого решения. Я понимаю, что президенту надо доносить, что невменяемых министров держать нельзя.



Василий Мельниченко: «В обществе нет серьезного запроса на борьбу с коррупцией. Жизнь худо-бедно наладилась: еда есть в магазинах, пенсии платятся. Поэтому мы вынуждены в такой стагнации жить».

[© РИА Новости. Александр Уткин](#)

— На форуме вы говорили о коррупции, всю жизнь боретесь с рейдерством. Неужели вы думаете, что наверху об этом не знают?

— Когда смотрю телевизор, такое ощущение создается, что не знают. Смотрю с другой стороны — все знают. У нас правительство как дети малые: все понимают, все чувствуют, а какать не просят.

— **И тем не менее вы пытались обращаться к президенту.**

— Я в свое время, когда молод был, все думал: вот докричаться бы до президента, и все решим. Мужики ж ведь, договоримся. Докричался. Ничего не решили, впечатление такое, что не с кем разговаривать.

— **До кого докричались?**

— Я встречался с господином Медведевым. Кроме того, что я председатель колхоза, я еще считаюсь журналистом. Я задавал ему вопросы и как председатель колхоза, и как журналист. И задавал вопросы, касающиеся сельских территорий.

Биография

Василий Мельниченко родился на Украине в 1954 году. Вырос в селе, окончил сельскую школу. Поступил в Уманскую сельскохозяйственную академию. В 1987 году переехал на Урал. По словам Мельниченко, с Украины его выслали из-за работ о несправедливости советской пенсионной системы и бесполезности низовых партийных организаций. Работы не понравились местному партийному руководству.

На Урале занялся изготовлением мраморных надгробий. Через два года председатель исполкома попросил его возглавить совхоз, который как раз покинуло прежнее руководство.

В 1995 году предприятие победило на всероссийском конкурсе проектов социально-экономического развития сельских территорий, на тот момент в селе проживало 260 человек. Но уже в 1998 году поселение сожгли местные казаки,

которым, как утверждает бизнесмен, он отказался платить.

В 1999 году Мельниченко начал борьбу с рейдерством и создал бесплатную юридическую консультацию для граждан Камышловского района Свердловской области. Тогда же он начал работать в газете «Территория народной власти». Как журналист Василий Мельниченко стал лауреатом премии имени Сахарова и премии имени Артема Боровика, победил на всероссийском конкурсе журналистов, пишущих антикоррупционные материалы. После обращений и публикаций о рейдерстве и коррупции в регионе он неоднократно подвергался избиениям и незаконным задержаниям.

В 2008 году Мельниченко стал председателем СПК «Галкинский». С января 2013 года в селе Галкинское при поддержке Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина реализуется собственный проект фермера «Новое село — новая цивилизация». Цель проекта — создание сельской многопрофильной экономики и развитие предприятий, способных наполнить местные муниципальные бюджеты.

— На форуме вы ругали вступление России в ВТО. Как это отразится на вашем колхозе?

— Оно уже отразилось. Первый удар нанесли по свинине. Те свинокомплексы, которые строились, были, конечно, плохими, но в них ведь вложили огромные деньги. Вдруг границы открылись, и российские производители стали неконкурентоспособными. Высокие проценты банковские. Мы же не можем конкурировать с фермером, у которого 1% годовых. Мы же даже со всеми субсидиями все равно меньше 8-10% не платим. Как я могу конкурировать с китайским фермером, у которого 1%, да еще и на 30 лет? К тому же есть еще и монополист в виде продавца электроэнергии, который говорит, что не может брать с меня меньше 5 руб. Как же так — этот столб строили еще при Брежневе, этот трансформатор чуть позже появился, а они не вложили ни рубля и теперь пишут цены с потолка. Опять же, если китайский фермер платит 2 руб., а я пять, разве я могу с ним конкурировать? Получается, что в ВТО мы вступили не подготовившись. Мы тоже хотим продавать свою продукцию на Запад и Восток, но сейчас мы ведь даже Россию не обеспечиваем продовольствием. Зайдите в любой магазин и увидите, что вся наша доктрина продовольственной безопасности зиждется на компании «Доширак». Не будь этой компании, вся продовольственная безопасность пропала бы.

— Что нужно было сделать?

— Если 18 лет вели переговоры — вступить в ВТО или не вступить, неужели никто не догадался, что надо бы и крестьян перевооружить. А теперь мы на тракторах 70-х годов будем вступать в конкуренцию. Мы ведь все погубили, причем абсолютно умышленно. Коррупцию развели страшную.

Когда власть поворачивается к народу лицом, народ обычно кричит от ужаса

— У вас есть какой-то рецепт, как победить коррупцию?

— Я считаю, что это довольно легко. Просто нужна политическая воля одного-единственного человека. Если президент позовет всех губернаторов к себе в кабинет и скажет: «С завтрашнего дня у нас акция — всем губернаторам надо повеситься», поверьте — 99% повесятся. Это приказ президента. Если он скажет не воровать, никто не будет воровать.

— Так почему не дает приказ?

— Я думаю, боится. Трусит.

— А политические оппоненты нынешней власти с коррупцией могли бы справиться?

— А они есть?

— Ну вот про Алексея Навального слышали ведь?

— Слышал, конечно. Хороший парень, хороший мужик.

— Вот он мог бы коррупцию победить?

— Так в обществе нет серьезного запроса на борьбу с коррупцией. Почему нет борьбы и протестов? Потому что жизнь худо-бедно наладилась: еда есть в магазинах, пенсии платятся. Страшно менять ведь. А вдруг не получится? Поэтому мы вынуждены в такой стагнации жить.

— По-моему, есть запрос.

— А где? После того как эпопея с Сердюковым началась, я ожидал, что через день-два на Красной площади будет каре из 5-10 тыс. офицеров, которые скажут: «Заряжай Царь-пушку, залезай, товарищ Сердюков». Ведь офицер — это не должность, не звание, это понимание чести. Мы же от них видим только нытье вечное: не могут квартиры получить, не могут еще что-то получить. Но если вы за честь мундира постоять не можете, вы на что претендуете?

— Так как все-таки быть с президентом?

— Россия производит впечатление великой страны, но больше ничего не производит. Надо менять эту ситуацию. Мне кажется, что даже я бы справился. Какая разница, что тремя курицами править, что двадцатью. Чтобы быть президентом, нужно иметь вокруг десять честных человек, которые бы просто между собой договорились не воровать.

— Готовы баллотироваться?

— Нет, конечно. Я хороший председатель колхоза, у меня капуста хорошая растет,

свекла прекрасная, такие кролики красивые. Я не променяю свою деревню ни на что и буду людей поднимать. У нас прекрасные женщины живут в селе. Вот они могут за себя постоять. Когда в нашу деревню вошли казаки, наши русские мужики, как положено русским богатырям, попрятались. А бабы вышли драться и дрались насмерть за село и за детей.

На Болотной не за кем было идти. Тогда все возмутились, что власть повела себя по-хамски, но ведь она и продолжает себя так вести

— Это был 98-й?

— Да. Я тогда прилетел из командировки, собрал мужиков и спросил, как так вышло. А они ответили: «Думали, нас бить будут». Трусость. Вот эта коррупция, ее что, кто-то нам делает? Это приехали американцы, или поляки, или грузины, может быть, нам ее сделали? Это мы позволяем к себе такое отношение.

— Вот вы говорите, запроса на борьбу нет. А как же Болотная?

— Я был на Болотной, специально приехал. Дело-то хорошее. Поучаствовать, посмотреть, кто и что. Но на Болотной не за кем было идти. Тогда все возмутились, что власть повела себя по-хамски, но ведь она и продолжает себя так вести. К тому же вышли на Болотную ведь не мужики, которые от сохи. Мы просто потеряли этот класс.

— А они-то почему не выходят?

— Они ведь русские, а русский мужик всегда до поры до времени боится. Они уже не выйдут.

— Но Болотная — это тоже русские.

— А на Болотной были не простые мужики. Я представляю, как был удивлен Путин: «А вам-то чего надо?»

— Получается, что средний класс оказался смелее?

— Конечно. Правда, это не средний, а скорее посредственный класс, потому что среднего класса в России вообще нет. Средний класс — это не кто больше получил, а кто больше заработал. Все вот говорят, что у нас рост ВВП, а я все объясняю, что ВВП нашему уже 60 лет, в этом возрасте люди не растут. Не на чем ему расти, мы не производим продукцию, мы друг другу все услуги какие-то оказываем. Мы дошли до того, что у нас в обществе выгодно быть инвалидом, выгодно быть липовыми многодетными матерями. Во что народ-то превращается? А я бы хотел, чтобы мою страну уважали искренне, чтобы у нас было подлинное местное самоуправление, и тогда вопроса с гражданским обществом не будет. Разве это так трудно?

— Наверное, трудно.

— А я думаю, что верховная власть этого местного самоуправления просто боится. Боится, что люди будут нелояльные. А я, наоборот, уверен, что более лояльных людей, чем самостоятельные крестьяне, мир никогда не знал.

— Так они и сейчас лояльны, зачем стараться?

— Они не лояльные, они безразличные. Какая им разница, если из 800 человек в селе 600 безработных, будет у них избранный губернатор или им его Владимир Владимирович назначит. Вся государственная машина и направлена на то, чтобы мы все такими и были. Мы не пробовали ни разу избрать себе честных и порядочных людей во власть, мы все выбирали лучших, а получалось вот так.

— Где взять честных?

— Ну, 140 млн людей в стране. Есть те, кто смотрит концерты Бори Моисеева и «Дом-2», это слабость человеческая. Но есть и те, кто не смотрит, надо из них выбирать.

— Но мы же не можем их силком в Кремль приволочь.

— Да я бы даже попробовал лотерею вместо выборов устроить. Кто выиграл, тот и будет президентом. Разницы не будет никакой, но хотя бы есть шанс, что из тысячи билетов попадется один толковый.

— Вы объясняете все это своим работникам? Чего вы хотите от них добиться?

— Я хочу, чтобы они вышли и поговорили с властью по-мужски: «Если ты наш президент и ты готов работать, то давай работать, а если нет, то какие проблемы, можно другого президента себе взять». Можно и нанять за деньги. Ничего страшного не будет.

Мы дошли до того, что у нас в обществе выгодно быть инвалидом, выгодно быть липовыми многодетными матерями. Во что народ-то превращается?

— И насколько на селе люди готовы к такому разговору? Какие там настроения?

— Безднадега. И не только на селе. То же самое и в малых городах, и в моногородах. Причем мы умеем работать. Мы сельские люди, но мы разработали новые фильтровальные материалы, запустили завод, нас покупают за рубеж, разработали кучу новых материалов на основе кремния. Мне кажется, мы уже больше пользы, чем «Сколково», принесли. Потому что мы делаем, чтобы выжить, а «Сколково» — чтобы деньги попилить. Процветает только околобюджетный бизнес. Есть связи — ты бизнесмен, нет — ты разорен, трижды обанкрочен и посажен в тюрьму, если вдруг почему-то не захотел делиться.

— Что бы вы президенту посоветовали?

— Чем выше должность человека, тем лучше ему кажется страна. Но мы-то живем в самом низу, видим, как все на самом деле. Я думаю, что президент должен просто делать свою работу честно и порядочно. Хотел было сказать, повернуться лицом к людям, но лучше, наверное, не нужно. Потому что когда власть поворачивается к народу лицом, народ обычно кричит от ужаса.

[Репортаж «МН» из фермерского хозяйства Василия Мельниченко в Свердловской области](#)